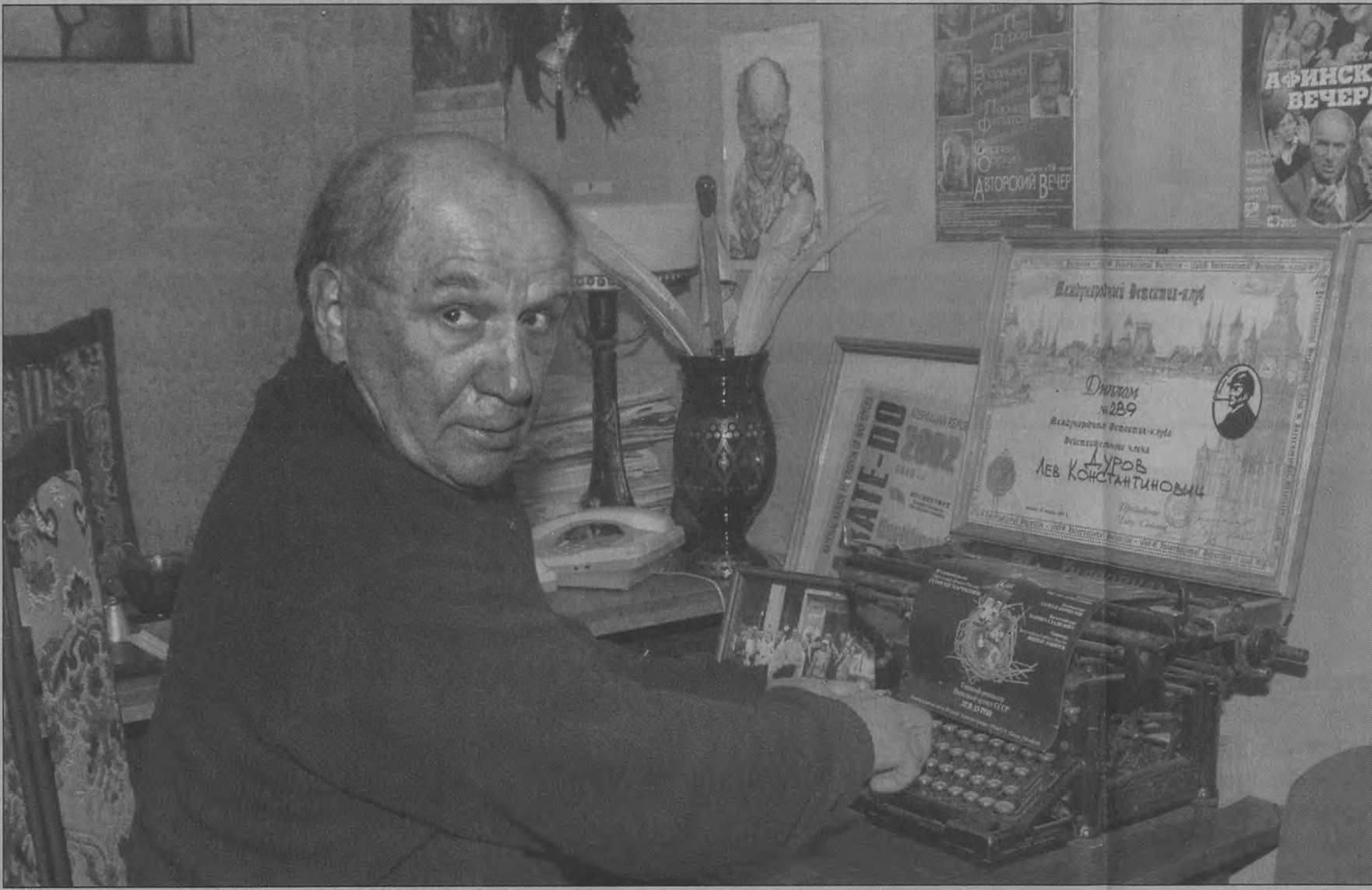

МОСКОВСКИЕ ЗНАМЕНИТОСТИ

Тверская, 13. - 2004. - 4 дек. - с. 1-2

В ДОБРЫЙ ЧАС

(Окончание. Начало на стр. 1)

- **А вы о сцене мечтали?**
- Совершенно случайно я попал в Дом пионеров Бауманского района Москвы, для меня это было вообще все удивительно. Там была замечательная театральная студия, именно студия, а не драмкружок. И там был грандиозный преподаватель Сергей Владимирович Серпинский. Он почему-то уверовал, что я стану актером. Это была студия интересная. Из нее вышли Ролан Быков, Коля Добронравов, известный поэт, замечательные актеры Яков Холецкий и Леша Шмаков. Так что когда окончил школу, то решил поступать в театральный. И скажу, что без особого напряжения меня приняли. Как и все, я сдавал экзамены в Вахтанговское училище и в Школу-студию МХАТ. А потом решил остановиться на МХАТе. В 1954 году окончил Школу-студию МХАТ, меня пригласили в Центральный детский театр, из которого вышел немало хороших актеров. Мне сильно повезло: я работал с выдающимся режиссером Анатолием Васильевичем Эфросом 27 лет. Он был известен не только в нашей стране - он ставил спектакли в Америке, Японии. Это был мой учитель самый-самый. Я играл у него в пьесах Чехова, Гоголя, Шекспира и все основные роли.

- **Какая у вас была первая постановка в детском театре?**

- «В добрый час», Эфрос ставил пьесу Виктора Розова. Да я во всех пьесах играл в детском театре - что называлось «человеческий» репертуар и «нечеловеческий». Второе, чтобы было понятно читателям, это когда ты в сказках играешь огурцов, лошадей, пуделей и кого угодно.

- **То есть артисты проходили и «нечеловеческий» репертуар.**

- В детском театре непременно через него проходили. Даже Олег Ефремов проходил...

- **Это было обязательно? Или только для молодых?**

- Для всех. В знаменитом спектакле «Конек-горбунок» мне пришлось играть даже... зад лошади. Скажу с улыбкой, многие актеры театра прошли через этот самый зад. Лучшим удалось после этого играть и царей. Олег Ефремов играл Ивана-дурака в том спектакле. Эта была одна из лучших его ролей за всю жизнь. Из Питера приезжали на него смотреть, потрясающе играл собирательный образ русского человека!

- **А как вы ушли из своего первого театра?**

- Вместе с Эфросом перешел в Театр имени Ленинского комсомола, вместе с Эфросом пять человек нас туда пришло. Три года проработали в Ленкоме, а потом Эфрос снял с должности главного режиссера, и тогда мы, двадцать актеров, подали заявление об уходе и ушли вместе с ним. Ему разрешили взять на Бронную десятку человек, в этой десятке оказался и я. С тех пор здесь и работаю.

- **Какой это был год?**

- Это был 1967 год.

- **Скоро новый юбилей будет.**

- Да.

- **И вот стали главным режиссером театра...**

- Да, второй сезон. Я всегда отказывался от этой должности, потому что она требу-

ет и особого таланта, и особого напряжения, но так сложилась ситуация, для меня безвыходная, и пришлось мне дать согласие и занять этот трудный пост.

- **Уже освоились?**

- Все-таки работаю в родном театре, хотя прибавилось много дополнительных вещей. Во-первых, приходится думать о том, кого приглашать из режиссуры. В прошлом сезоне мы пригласили Самгина и Агеева. В этом году опять будет ставить Самгин, а спектакль к 60-летию Победы над Германией - Марк Розовский. Приходится думать о занятости труппы, а это очень занятие трудное, потому что исторически сложилось так: в любой труппе играют 15 - 20 артистов основные роли, а все остальные являются как бы опорой, фундаментом, если хотите. Но ведь каждому актеру свойственно думать, что он и должен быть в этой когорте, и от этого, к сожалению, прорастают болезненные симптомы, страдает самолюбие. Бывает, что многие долго не играют, а такие перерывы вполне закономерны, естественны, потому что появляются некоторые факторы - репертуар, возраст, и все, что угодно. Но для актера это, конечно, болезненно. Когда на тебя как на режиссера вываливаются эти все болячки, то приходится сильно переживать. А дисциплина? Как быть с ней, если без нее не может существовать творческий коллектив. К сожалению, иногда приходится расставаться с некоторыми. Вот расстался со своей любимой ученицей. Она меня подвела, не предупредив, уехала на съемки, и я был вынужден в премьерный спектакль ввести нового исполнителя. Такого я простить не мог. Я сказал ей: «Если бы ты была просто актрисой нашего театра, я бы сказал - иди к директору, объясняйся с ним. Как он решит, так и будет. А я этого тебе простить не могу...».

- **Не жесткое решение, Лев Константинович?**

- Жестокое. Но предательство не прощается. Когда тебя предают твои люди - это страшно, а в нашем деле, театральном, вообще непрости-тельно.

- **Тяжело вам все это совмещать?**

- Конечно, но пока энергии хватает, я этим занимаюсь. Когда почувствую, что наступил какой-то предел, то не буду дожидаться инвалидного кресла в театре, а просто развернусь, попрощаюсь со всеми, и расстанемся друзьями. У меня хватит на это воли и ума.

- **Давайте не будем о грустном. Вы выпустили премьеру «Приглашение в партер». О ней говорят в театральной Москве. Это о театре?**

- Не совсем. Хотя, конечно, о театре, артистах и ком-промиссах, на которые толкает жизнь. Но главная мысль - не продаваться, и это касается не только театра. Автор - драматург Жеребцов. Его пьеса «Солдатики» идет в «Табакерке». А эта пьеса - психологический театральный детектив. Она мне очень понравилась...

- **Это ваша находка?**

- Да ну какая находка? Дали пьесу прочитать, прочитал и решил ставить, вот и все.

- **Собираетесь ли продолжить свою режиссуру, ведь вы поставили многие интересные спектакли?**

- Пока хватит, надо дать другим поработать. А я уж до следующего сезона подожду. Конечно, если появится какая-то идея, какая-то пьеса, я, конечно, потихонечку начну репетировать, но так, чтобы не мешать тем, кто уже ставит.

- **Сколько времени уходит на постановку?**

- По-разному. Примерно месяца два. Ведь в театре тоже плановое хозяйство, тут ничего не поделаешь. Ни разу я не затягивал сроки выпуска, у меня как-то все сходилась. Знал, что успеваю, потому что проделывал большую подготовительную работу. Когда собирал актеров, уже представлял себе спектакль на сцене, по крайней мере в общих чертах, уже знал, каким он будет. Когда читаешь пьесу, или начинаешь ее сразу ставить, или представляешь, как это будет, или теряешь интерес. Можешь на 15-й странице закрыть труд и сказать: нет, стоп, дальше можно не читать. Пьеса - это такая вещь, которая сразу понятна: интересна или нет. Правда, в моей должности приходится дочитывать до конца, и это, скажу честно, тоже нелегко.

- **Главному приходится в театре трудно?**

- Нелегко. Звонят авторы, теребят актеры, чтобы показать в театре. Смотрим, очень часто разочаровываемся. Трудно сказать человеку: знаешь, а тебе вообще не стоит этим делом заниматься. Язык не поворачивается. Приходится тактично объяснять и отказывать. Это очень болезненно. Знаю, как люди переживают. По-моему, показ это унижительная вещь - купля-продажа. Но что поделаешь? Такова актерская судьба.

- **В этом плане кинематограф, наверное, намного легче?**

- Кино что? Тебя пригласили: хочешь - снимайся, а хочешь - не снимайся. Если согласился, пришел, отсыпался и ушел. После выпуска картин я никогда не оставался в друзьях с режиссерами, чтобы сниматься дальше. Со всеми операторами дружил, а с режиссерами нет, потому что интуитивно чувствовал, что режиссер имеет некую ответственность перед актером. А подумает он о нем, когда начнет снимать следующую картину? А вот от меня не приглашают, потому я понимаю: это совсем не обязательно, дружба - дружбой, а кино - есть кино, и театр, кстати, есть театр. Часто дружеские отношения не имеют в нашей среде никакого значения, они даже болезненно отзываются на самом процессе. А вот от операторов ничего не зависит, только сам съемочный процесс. Поэтому все оставалось со мной друзьями: и Толя Заболоцкий, и Боря Моржовский, и Толя Мукасей, с которым я до сих пор в прекрасных отношениях.

- **В ближайшее время планируете сниматься?**

- Вышла картина, в которой я работал, - «Весьгорская волчица». Очень обрадовался, что ее посмотрел мой внук и похвалил фильм. Слава богу, что молодежи подобные картины нравятся, там никаких выстрелов, никакого насилия...

- **Кто режиссер фильма?**

- Николай Солопцов. А картина про людей, волков и про то, как надо бережно относиться друг к другу; что такое природа и что такое животный мир, и о том, как звери не про-

цают нам того, как мы с ними обращаемся. Природа нам не прощает того, как мы с ней обращаемся, и начинает мстить. Об этом ужасе предупреждал еще великий Лев Толстой. Так вот мы, люди, приумножаем ужас.

- **Вы успешно ставили спектакли, а почему не беретесь за фильмы?**

- Мне предлагали снять фильмы, но, чтобы снять кино, нужно иметь особый дар. Киношку можно снять за три дня. Смотря, конечно, какую. Случалось, я за нескольких режиссеров снял картины, там в титрах меня нет, но все мизансцены, все развозил я и разбирал сцены. Но я ни в коем случае не претендовал на что-то, просто режиссеры тех фильмов были беспомощные. А для того чтобы снять настоящее кино, надо иметь талант. Киноталант дан далеко не всем режиссерам, которые снимают. Тарковский, Шепитко, Герман, Климов и назову еще пять фамилий - это таланты. Феллини, Пазолини - это особый язык кино, и этот язык надо сначала изучить, а для этого нужно на год, на два уйти из театра, серьезно обдумать, что ты хочешь сделать и как хочешь снимать. Этому нужно заново учиться, нужно даже перелистать учебники по кинематографии. А уйти из театра на год-два очень трудно, потому что с моей работой связана жизнь многих людей в этом театре. Некоторые надеются на меня, и просто покинуть театр на какое-то время с моей стороны просто нечестно. Ничего, обойдусь без кинорежиссуры, хватит мне того, что у меня есть.

- **Лев Константинович, а как начиналась ваша кинематографическая карьера?**

- В фильме «Доброе утро», в котором мне доверили роль помощника экскаваторщика. Потом играл разные роли, став хроническим помощником. И только когда режиссер Михаил Ромм дал мне маленькую роль - сотрудника КГБ в фильме «Девять дней одного года», моя карьера изменилась. Говорили: «Он у Ромма снялся!» То была высокая оценка.

- **Говорят, Ромм вас взял случайно. Увидел впервые и хотел отказаться. Потом, конечно, был доволен вашей игрой. Все дело, как актер играет, бывает, запоминается маленькая роль одного актера, а главная другого - с годами в памяти зрителя стирается.**

- Было такое. Но игру мою он не видел. Пригласил на «Мосфильм» и честно сказал: «Мне нужно мурло, а вы не такой». Вот и прощай, карьера. В этот момент вмешался мой преподаватель и сказал Ромму: «Да я его и держал как мурло». Огорченный шел я по студии, и тут меня догнали Алексей Баталов и Иннокентий Смоктуновский и в один голос обрадовали: «Ромм тебя взял!» Это и было начало серьезного вхождения в кино. А то играл - помощника экскаваторщика, потом помощника комбайнера, милиционера.

- **Были запоминающиеся картины?**

- Конечно, были. Фильм «Прощание», который начинала снимать Шепитко, а заканчивал Элем Климов. К сожалению, зрительского успеха он не имел. А жаль! Такая русская картина и, главное, про нас. Литературная основа прекрасная, актеры играли замечательно, но, видно, сказало-

ся время: то ли слишком рано, то ли поздно.

- Каждый фильм - своя судьба. Получаю много писем от зрителей, особенно от молодых. После фильма «Не бойся, я с тобой» стали приходить письма, как стать сильным, как пробить бачок пальцем. Однажды подошел парень и сказал: «Из-за вас, Лев Константинович, я пострадал. Хотел пальцем пробить кастрюлю!» Вот такая сила искусства!

- **Но в том трюке был, конечно, секрет?**

- В кино много секретов, потому что они помогают делать задуманный фильм. Но физическая подготовка актеру нужна. Я занимался конным спортом, у меня был разряд.

- **Но, говорят, многие трюки вы проделывали сами?**

- Многие, но не все.

- **О двух юбилеях вы с вами поговорили. Настала очередь третьего, с него бы и следовало, наверное, начать нашу беседу.**

- С Ириной Николаевной Кириченко мы учились на одном курсе. Она перевелась к нам из Киева, из театрального института. В Школе-студии МХАТ Ирина играла в «Егоре Булычеве» Глафиру, а я - Труба-ча. В дипломном спектакле играли вместе. За красивой девушкой ухаживали многие, но ее руки добился я. Прожили полвека, но ссорились, по-моему, только один раз да и то в молодости. Потом решили: никогда больше ссориться не будем.

- **А свадьбу свою помните?**

- А как же? Такое - на всю жизнь. Купили шампанское и болгарский виноград. Отметили свой праздник в коммуналке. Кстати, мне как-то подарили выписку из домовых книги. Шесть человек жили на 28 квадратных метрах. Вот так!

- **Хорошо работать вместе с женой?**

- По-разному. Когда за себя переживаешь, это одно дело. А когда тебе приходится волноваться за другого человека, это другое. Волнуешься, нервничаешь больше.

- **Вместе с женой мы начинали работать в Театре Ленинского комсомола, потом пришли сюда. Она была одной из создательниц «Современника», первого спектакля в «Современнике» - «Вечно живые».**

- Прошла тоже непростой путь, работала и на эстраде, был такой коллектив «Синяя птица», который организовали Борис Сичкин и Виктор Драгунский.

- **Вы человек не конфликтный, мягкий?**

- Совсем не мягкий. Я могу сказать так: я никогда не начинаю первым, но когда кто-то начинает, я говорю: все, я тоже надеваю перчатки, выходим на ринг, а там не обес-судь.

- **Как сложится?**

- Да, говорю: если я тебя на задницу посажу и ты встанешь на колени, не ной, ты сам этого захотел, сам напросился. Никогда я сам не начинаю первым.

- **А в семейной жизни как?**

- Как должно быть: никаких скандалов и конфликтов серьезных.

- **Это наследственность или воспитание?**

- У меня и родители такие же были. Не помню, чтобы у них были когда-нибудь скандалы, чтобы кто-то хлопал дверью. Слово «деньги» никогда не произносилось, жили все-

гда бедно, как говорил Василий Макарыч Шукшин: «Не жили богато, не хрена и начинать». Да как-то все нормально, и Катя, дочь, по отношению к семье нормальная, и внуки мои хорошие, замечательные. Меня в этом отношении судьба как-то берегла, я знаю, какие проблемы бывают у родителей с детьми. Сам спектакль об этом поставил - «Дети Ванюшина», он у меня называется «Дети?!», я специально так назвал, даже восклицательный и вопросительный знаки поставил. А знаю, как часто дети доставляют переживания и горе родителям, и знаю также, что и родители доставляют своим детям немало сложностей. Я к этому отношению спокойно. Внучка решила поехать в Абакан, а даже и рот не раскрыл. Казалось бы, вот внучка Дурова уезжает в Абакан, что, он не может ей помочь?

- **Это была ее идея?**

- Да, конечно. Она поехала работать завлитом в кукольный театр. Познакомилась на «Маске» с ребятами и три года проработала в Абакане, где, думаю, была счастлива. Сейчас ее муж поступил в ГИТИС, и они приехали в Москву, что преподнесут дальше, не знаю. Может, опять поедут в Абакан - не знаю. Каждый выбирает свой город, страну мы уже выбрали.

- **Вы не диктатор?**

- Нет, совсем нет, я уважительно отношусь к мнению других. Конечно, если это мнение не противоречит нормальным человеческим взаимоотношениям.

- **Как дети становятся актерами?**

- Катя поступала в театральный без моего ведома. Она даже мне не прочитала, что будет читать на экзамене. Все решила сама, и я удивился, когда она сказала, что поступает в театральный училище. Я ей не помогал. Потом она работала на Таганке, а когда я был в отпуске, за моей спиной ее пригласили на М. лую Бронную.

- **Какие у вас взаимоотношения с московским правительством, с Комитетом по культуре Москвы?**

- Нашему театру оказываются та помощь, которая полагается каждому театру, не больше. У нас хорошие взаимоотношения с Худжакимом, он человек театральный, бывает на всех наших премьерах. Часто его рассуждения бывают довольно жесткими, но человек он очень справедливый. По крайней мере, когда мы с ним обсуждали наши спектакли, он в своих замечаниях был прав.

- **То есть вам не приходится пробывать никаких вопросов?**

- Есть театры, которые находятся на привилегированном положении, с этим ничего не поделаешь. Симпатии у всех свои, разные. У спонсоров особенно. Я знаю несколько театров, которым материально помогают и меценаты, и правительство Москвы. Мы сделали большой ремонт в этом году. Наш театр в хорошем состоянии, зайдите за кулисы, посмотрите, у нас уютные грим-уборные. Иногда играю на стороне, в других театрах. При-дешь в иной театр, за кулисами печальное зрелище - обшарпанные стены, запущенность. У нас - дело иное. Сделали капитальный ремонт, заменили все коммуникации. Помогло правительство Москвы.

- **Лев Константинович, вернемся к творческим вопросам, без которых нет ни кино, ни театра, ни самой театральной жизни. Все же говорим о юбилеях. Какие у вас самые любимые роли?**

- Их много. Если есть что сказать в эпизоде или в маленькой роли, и ты так сумел сделать, значит, все в порядке. А есть такие роли, что можно было их и не играть. Но ничего не поделаешь, профессия такая. Ну, уж если какая-то гадость видна сразу, то в этом я не участвую. А если не получается ничего выдающегося, а ты даешь согласие на участие и снимаешься, то что поделаешь - жизнь.

- **Столько лет прошло...**

- Если бы я переживал и страдал в таких раздумьях, то давно бы развернулся и ушел. Бывает, приходишь в отчаяние, когда роль не ладится, а такое бывало. Однажды я целый год просидел без единой роли, потому что Анатолию Васильевичу надо было в Ленкоме объединить две труппы, и он меня позабыл. Ну, я свой был, так сказать правая рука, и свой вроде потерял.

- **И вы год терпели?**

- Да, но я даже подавал заявление об уходе. Он смеялся надо мной вместе с Смирновым - директором, ревали мои заявления и посылали меня подальше. Надо просто ждать своего часа, и когда этот час наступает, ты должен быть в форме и самому себе, и всем доказать, что ты совершенно как актер. Вот и все.

- **Беседу вел Виктор ДЖАНИБЕКЯН**

Фото Василия Грачева